

нофонта) объясняет не тем, что учитель Платона совершенно отрицал Благо как таковое, соглашаясь говорить только о частных благах, но, скорее, осторожностью в его определении. «Идея Блага» — высший предел всего существующего, она — то последнее «ради чего», что объясняет любую форму генезиса. Таковой целью Благо выступает и в платонизме, и у Аристотеля. Однако, становясь высшей инстанцией Универсума, Благо приобретает сверхсущий характер (что и закреплено в апофастике Платона — Плотина). Действительно то, что является источником благ и бытия как такового (первого, что имеет предикат «благое»), должно быть выше любой из бытийственных форм. Именно поэтому платоническая традиция отождествила Благо с Единым. Плотин даже считал неправильной формулировку «Единое есть Благо», так как последнее — не предикат Первоначала, а само Первоначало; Благо в этом предложении своего рода «повторенное подлежащее». Именно поскольку оно есть Благо, Единое порождает многосложную, многоступенчатую иерархию Универсума. Но если Благо означает быть истоком бытия (ср. «Тимей»), то Единое должно постоянно рождать жизнь, а следовательно, Космос это «дитя Блага», вечен.

Христианство усвоило античное определение Божества как Блага. Однако в первые века его истории такое заимствование приводило к весьма парадоксальным воззрениям. Самым лучшим примером им может быть Ориген, который, утверждая, что Бог есть Благо, делал вывод, что он просто обязан вечно дарить Бытие. Отсюда проистекал вполне логичный для Оригена вывод, что нынешний мир есть всего лишь одно из звеньев в бесконечной череде сменяющих друг друга Эонов, и Страшный Суд есть преддверие нового творения.

Валентин — один из виднейших представителей западного или александрийского гностицизма. Родился он в начале II в. «в приморской стране Египта, Фревониде, а в Александрии получил эллинское образование» (Eriph. Haeg. 31, 2). Возможно, в Александрии он слушал Василида, на что указывает сходство отдельных пунктов их учений, например, фрагмент из Валентина о нечистом сердце человеческом как о жилище демонов совпадает не только по смыслу, но и по конкретным выражениям с подобным учением Василида, что отмечает Климент Александрийский. Сам Валентин считал себя учеником Тевды, известного апостолу Павлу. В конце царствования Адриана (30-е гг. II в.) он выступил в Египте как самостоятельный учитель. Затем он, еще не отлученный от церкви, отправился в Рим, где пользовался такой популярностью, что счел возможным добиваться епископства: «Валентин имел в виду епископство, потому что был даровит и красноречив. Не удостоенный кафедры благодаря другому, более сильному, ради мученичества (скорее всего Пию (140–155 гг.) за-

нявшему место Гигина (136–140 гг.), порвал с церковью истинного исповедания» (Tert. adv. Vol. 4). К концу 40-х годов, когда Иустин Мученик пишет «Диалог с Трифоном иудеем», существует не только еретик Валентин, но и οἱ Οὐαλεντινοῦ. Ириней сообщает, что Валентин прибыл в Рим при Гигине, процветал во времена Пия и оставался до Аникета (155–156 гг.). Затем Валентин отправляется на Кипр, где и умирает в конце 160-х годов.

У нас есть следующие упоминания о его сочинениях.

1. В сочинении Климента Александрийского Περὶ προνοίας (De providentia) упоминается сочинение Валентина «О трех природах» (Περὶ τῶν τριῶν φύσεων), фрагмент из которого, вероятно, содержится у Евлогия Александрийского.

2. Ириней и Тертуллиан говорят о собственном евангелии Валентина: «... имел даже собственное евангелие помимо наших» (Ps-Tert. 12), «Они дошли до такой дерзости, что свое недавнее сочинение озаглавливают “Евангелием истины”, хотя оно ни в чем не согласно с Евангелиями Апостолов» (Iren. III, 11, 9). Вопрос об идентичности найденного в Наг-Хаммади «Евангелия истины» с этим сочинением остается открытым.

3. Из замечаний Тертуллиана, Оригена и канона Муратори видно, что Валентин был склонен к поэзии и составил книгу псалмов. Они, скорее всего, употреблялись при богослужении, так как они сопоставляются с псалмами Давида.

4. Тертуллиан пишет: «Лицо Бога открывается в простоте исследования, как учит сама премудрость, конечно не Валентина, а Соломона» (Tert. adv. Vol. 2). Здесь можно видеть указание не на конкретное сочинение Валентина, а на его гностическое мудрствование вообще, но если вспомнить похожую фразу того же Тертуллиана о псалмах Валентина, существование которых никто под сомнение не ставит: «В этом случае покровительствуют нам и псалмы, но, конечно, не псалмы отступника, еретика и платоника Валентина, а святейшего и всеми признанного пророка Давида», то можно предположить существование и этого сочинения. Кроме того, Валентину приписываются гимны, проповеди и различного рода послания.

От сочинений Валентина сохранились лишь немногие фрагменты, сохранные почти исключительно Климентом Александрийским (Strom. II, 8, 36; II, 20, 114; III, 7, 59; IV, 13, 89; IV, 13, 89–90; VI, 6, 52). У Ипполита встречаем фрагмент псалма Валентина (Ref. VI, 37). Из этих отрывков невозможно воссоздать целостную систему, но многими исследователями отмечается влияние платонизма и пифагореизма.

Известны следующие ученики Валентина: Секунд, Птолемей, Гераклеон, Колорбаз, Марк, Аксионик, Вардесан (Бардесан, Бар Дайсан), Феодот, Феотин и Александр. Подвергается сомнению историчность личности Колорбаза, а Бар Дайсан причислен к валентинианам искусственно. Его последователи развили его систему, причем Ириней говорит, что «они (ва-

лентиниане), двое или трое, об одном и том же говорят не одно и то же, но противоречат между собой и в сущности дела, и в именах».

Деятельность Валентина была замечена очень рано и почти сразу вызвала противодействие со стороны церковных писателей. По свидетельству Тертуллиана, против него писали Иустин, Мильтиад, Ириней и Прокл. Ириней упоминает Поликарпа; скорее всего и Гегесипп в своих *Ἰστορικῶν* обличал Валентина. Затем о Валентине и валентинианах говорят все другие ересеологи, кончая Феодоритом. Важнейшее место среди них должно быть отведено Иринею Лионскому, который посвящает изложению валентинианства значительную часть первой книги своего сочинения «Опровержение и обличение лжеименного знания» и занят его опровержением в остальных четырех книгах. Его материалами пользовались почти все последующие ересеологи. Главный недостаток всех их — неразделение систем Валентина и его учеников.

Василид — видный представитель восточного, или сирийского, гностицизма. Жил во времена Адриана и Антонина Пия (120–145). Евсевий относит выступление Василида к 17-му году царствования Адриана, но эта точность безосновательна. Родился в последней четверти I в. н. э. в Сирии. Будучи христианином, стал учеником гностиков. Ересеологи говорят о нем как о последователе Менандра, сам он считал себя учеником Главка, толкователя апостола Петра и слушателем апостола Матфея, который передал ему «таинственные речи, особым образом полученные от Спасителя» (Нирр.). Сначала проповедует в Антиохии, затем посещает с проповедью Персию, откуда направляется в Египет, где вместе с ним начинает действовать его сын и ученик Исидор. Василид создал свое учение еще в Сирии, постепенно развивая его. По ересеологам, он ссылаясь на книги Ветхого Завета, но отвергал ветхозаветных пророков, признавая своих — Варкафу, Пархора и Хама. О его смерти не известно ничего.

Ересеологи сообщают, что Василид написал собственное евангелие (Orig.) и 24 книги толкований на евангелие-Ἐξήγητικά, из 23-й книги которых делает извлечение Климент Александрийский (Strom. IV, 12) и начало 13-й книги приводится в Актах Архелая (67). Кроме того, у Климента есть выдержки из сочинений Исидора «Περὶ προσφυσῶς ψυχῆς» («О прикованной душе»), «Толкования на пророка Пархора» (доказательство того, что греческие философы заимствовали из пророков) и Ἠθικά или *Moralia* (Strom. II, 20. III, 1. VI, 6).

Ириней так излагает систему Василида: «Василид же, желая казаться, что он открыл нечто высшее и вероятнейшее, дал своему учению бесконечное развитие. Он представил, что прежде всего от нерожденного Отца родился Ум, от Него родилось Слово; потом от Слова Разум (*φρόνησις*), от Разума же Премудрость и Сила, от Силы же и Премудрости [многие] си-

лы, начальства и ангелы, которых он называет первым и говорит, что они сотворили первое небо. Потом, через истечение из них появились еще другие и создали другое небо, подобное первому. . . и таким же образом произошли 365 небес. Ангелы же, занимающие самое последнее небо, именно видимое нами, устроили все в мире. . . Их начальник есть тот, Которого почитают Богом Иудейским; и так как Он хотел подчинить Своим людям, т. е. иудеям, все прочие народы, то ему противостояли все прочие князи. Поэтому отпали от Его народа все прочие народы. Но нерожденный именуемый Отец, видя их погибель, послал Свой первородный Ум — Он-то и называется Христом, чтобы освободить верующих в Него от власти мироздателей. Он явился на земле их народам в образе человека и совершал силы. Поэтому Он Сам не страдал, но некто Симон Киринейский, который был принужден нести за него крест; сей был преображен Им так, что его считали за Иисуса, и по невежеству и ошибке был распят; а сам Иисус принял образ Симона, стоял там и смеялся над ними. Так как Он был бестелесная сила и Ум нерожденного Отца, то Он изменялся по произволу и таким образом вознесся к пославшему Его, посмеиваясь над теми, так как он не мог быть удержан и был для всех невидим. Те же, которые это знают, освобождены от начальств, создавших мир; и не должно верить в распятого, но в Того, Кто пришел в человеческом образе, Которого почитали распятым и назвали Иисусом и который был послан Отцом, чтобы через такое домостроительство разрушить дела мироздателей. . . Душа одна получает спасение, ибо тело по природе тленно. . . Он не дает никакого значения идоложертвенным мясам, и считая их за ничто, без всякого опасения употребляет их; он также считает делом безразличным употребление и других подобных вещей и всякого рода удовольствия. . . Местные положения тех 365 небес они распределяют, подобно математикам. Ибо принимая их положения, они переделали их сообразно с характером своего учения; и глава небес, говорят они, есть Абракасас и потому заключает в себе число 365» (Iren. I, 24). Этическая сторона василидианства наиболее полно освещена в «Строматах» Климента Александрийского. Некоторые противоречия в изложении системы Василида у различных ересеологов (например, Иринаея и Ипполита Римского) могут быть объяснены тем, что они относятся к разным этапам развития его мысли.

Кроме Исидора нам не известны имена других последователей Василида. По-видимому, его учение не пользовалось большой популярностью. Сульпиций Север сообщает, что эта ересь распространилась на «востоке и в Египте». Епифаний говорит о существовании василидиан в Египте в конце IV в. Иероним свидетельствует о нахождении василидиан в Испании.

Против Василида писали Кастор Агриппа, Иустин, Иринаей, Ипполит Римский, Климент Александрийский, Епифаний и др.